

Владислава Жданова*

(Бонн)

**ЯЗЫК РУССКОЙ ДИАСПОРЫ:
К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ
И СИНТАКСИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК**

A b s t r a c t. The paper presents a preparatory phase of a study aimed at the description of a contact version of Russian (the fourth wave of emigration) and the typisation of its morphological and syntactic features. We will base our study on a corpus of oral and written texts. The material of initial observation was provided by interviews with Russian immigrants in Germany as well as experimental data (we checked preferential variants of linguistic phenomena). The latter allowed us to assess the status and prevalence of morphological and syntactic features observed in the interviews. The specific characteristics of the features observed are determined by the comparison of the data obtained with those of the language of the parent state, whilst the changes are revealed by comparison with linguistic papers addressing the first three emigration waves. We determine the nucleus of morphological and syntactic changes common for all contact versions of Russian and investigate the systematic causes of the variation. These include universally weak language domains under the conditions of language contacts, idiomaticity, variability area, sociolinguistic background (extensive language contacts, narrow functioning scope of Russian) as well as psycholinguistic aspects (reduced language competence of bilingual individuals). Prospects of a corpus study of the fourth emigration wave language are considered.

К л ю ч е в ы е с л о в а: контактный вариант русского языка, морфологические и синтаксические особенности, причины языковых изменений

1. Постановка проблемы и задачи исследования

Статья отражает подготовительный этап исследовательского проекта, цель которого — создание корпуса устных и письменных текстов языка диаспоры и его поуровневое описание на основании корпусных данных. Сверхзадачей запланированного исследования является типологизация морфологической и синтаксической специфики контактного варианта русского языка и выявление факторов, порождающих эту специфику.

Язык диаспоры рассматривается во многих лингвистических работах (Авина 2003; Голубева-Монаткина 1998; Протасова 1996; 1998; Andrews 1999; Polinsky 1998; 2000), однако лишь некоторые из них уделяют внимание не

только его лексической, но и морфологической и синтаксической специфике¹ (Бразаускане 2000; Гловинская 2001; Жданова 2001; 2007; Земская 2001; Pfandl 1997 и нек. др.). Причины языковой специфики речи эмиграции, как правило, выводятся из ситуации языкового контакта, приводящей к «деградации» первого языка (Polinsky 1998), или из психологической установки языковой личности на сохранение или утрату родного языка (Земская 2001: 43, 63 и далее). В дальнейших уточнениях и дифференциации нуждаются также выводы о роли социальных, психолингвистических и других факторов, приводящих к изменениям языка русской эмиграции (см., напр.: Земская 2001: 257 и далее). Для разработки общей типологии факторов, определяющих специфику языка диаспоры, значима работа (Гловинская 2001), в которой разграничены общие и специфические процессы в языке эмиграции и метрополии, в том числе и в сфере морфологии и синтаксиса.

Сопоставление языка метрополии и диаспоры для описания в первую очередь языка диаспоры связано со следующими двумя аспектами. С одной стороны, изолированное описание отклонений в языке диаспоры не позволяет сделать надежные выводы об устойчивых характеристиках русского языка вне России, т. к. ряд этих характеристик соответствует процессам языковых изменений в метрополии. С другой стороны, проекция наблюдений над языком метрополии на язык диаспоры оправдана тем, что, в отличие от ситуации послереволюционных лет, когда «язык революции» (Селищев 1928) и язык эмиграции радикально отличались², актуальная языковая ситуация в диаспоре и метрополии сходна по ряду характеристик (Жданова 2008): иноязычное влияние не только лексического, но и морфологического и синтаксического плана, размывание внутриязыковой стратификации (Крысин 2008), ослабление нормативных предписаний, в том числе и грамматических (Гловинская 2008), преобладание устного дискурса и его активное воздействие на письменный.

Выявление устойчивых морфологических и синтаксических признаков языка диаспоры и факторов, определяющих его специфику, представляет интерес как для установления нестабильных участков языковой системы в целом (Гловинская 2001: 341), так и для отсутствующего до сих пор описания русского языка в Германии. Заметим, что описания других контактных вариантов русского языка, например во Франции, Канаде, Америке, Финляндии, Италии, Литве, Израиле и т. д., как правило, ограничиваются фиксацией лек-

¹ На этот факт обращает внимание также (Земская 2001: 267).

² Неприятие языка «Совдепии» и ориентация на устаревшие варианты сохраняется до сих пор у многих потомков эмигрантов первой волны, ср., например, предпочтение варианта *жалованье* «советской» зарплате или устаревшей *канцелярии* современному *офису* (Жданова 2009: 90).

сико-фразеологических особенностей или же затрагивают проблемы языковой компетенции эмигрантов. Системное описание и анализ морфологической и синтаксической специфики контактных вариантов русского языка незаслуженно остается на периферии интересов современной лингвистики (ср. опыт подобного описания на материале языка польских диаспор в (Dubisz 1997)).

В рамках статьи типология морфологических и синтаксических характеристик представлена на ограниченном объеме материала; в этой связи ряд выдвинутых положений носит гипотетический характер.

2. Материал, методы анализа и исходные данные

Материалом для анализа послужили данные предшествующих работ по языку эмиграции (Жданова 2001; 2007; 2008), корпус тридцати интервью с представителями четвертой волны эмиграции в Германии, а также экспериментальные данные (проверка предпочтения того или иного варианта), что позволило дать лингво-статистическую оценку (степень частотности) отмеченных явлений. В роли информантов выступили студенты немецких университетов в возрасте от 24 до 28 лет, окончившие начальную школу в России, но получившие среднее образование и освоившие немецкий язык уже в Германии. Время проживания в Германии колеблется у информантов от 14 до 18 лет.

Анализ полученных данных проводится по следующей схеме:

В качестве контрольного корпуса в работе используется НКРЯ, в частности для установления специфики отмеченных «отклонений» на фоне языка метрополии, в котором также присутствует ряд отмеченных явлений (ср. Гловинская 2001: 349 и далее). Устойчивость специфических характеристик перепроверяется затем путем сопоставления с данными, представленными в предшествующих работах по языку эмиграции первой — третьей волн (Гловинская 2001; Земская 2001). Явления, выводимые из ситуации контакта с языком окружения (в данном случае — немецким), сопоставляются по возможности с данными работ по русским диаспорам в других странах — для выявления общих и специфических черт в зонах языкового контакта (Колчинская, Найдич 2009; Pfandl 1997 и др.).

Цель этого сопоставления — проверка статуса отклонений, а также установление их причин, которые, согласно предварительным наблюдениям, могут быть сведены к следующим: 1) (системная) неустойчивость определенных участков русского языка (Гловинская 2001: 475), которая более интенсивно проявляется в иноязычном окружении; 2) контакт с языком окружения в ситуации двуязычия (Гловинская 2001: 421; Жданова 2007: 194); 3) сужение сферы функционирования русского языка в диаспоре, который используется в основном как язык домашнего обихода (Жданова 2007: 189; 2009: 92);

4) утрата (полная или частичная) языковой компетенции билингвов, особенно во втором и последующих поколениях (Auer 1999: 309). Перечисленные системно-языковые и индивидуальные факторы воздействия на язык диаспоры тесно взаимосвязаны: язык задает зоны неустойчивости, которые проявляются в речи носителя языка в зависимости от его индивидуальных психологических, языковых, социальных и т. д. особенностей.

Учитывая гетерогенность шестимиллионной русскоязычной диаспоры в Германии с точки зрения регионального и социального происхождения, отметим, что воздействие языка окружения проявляется в речи представителей диаспоры в разной степени: 1) от точечных проявлений трансференции (напр., изменение интонации повествовательного предложения, произнесение немецких географических названий согласно немецкой фонетико-фонологической норме, семантико-синтаксические кальки, возрастание числа интернационализмов и т. д.) 2) через привычное в диаспоре функционально обусловленное смешение и переключения языкового кода и 3) вплоть до полного перехода на интерферированный код — гибридный вариант, сохранивший основы русской морфологии, но впитавший немецкую лексику, фразеологию, особенности глагольного и именного управления и т. д. (ср. установленный на материале других языков переход «from Code-switching via Language Mixing to Fused Lects», Auer 1999: 309).

Возможность градуального проявления специфики языка диаспоры учитывалась в исследовании следующим образом: информантам была предложена анкета, включающая наиболее частотные языковые характеристики, выявленные на материале интервью. Информанты должны были оценить представленные предложения или сочетания с точки зрения допустимости / недопустимости. Представленные в статье морфологические и синтаксические характеристики выявлены на базе корпуса интервью и проведенного эксперимента.

3. Типология основных морфологических и синтаксических характеристик языка диаспоры

3.1. Морфологические и синтаксические явления, общие с языком метрополии

Перечисленные ниже явления, которые могут и должны быть дополнены в рамках масштабного корпусного анализа, Гловинская (2001: 351) относит к явлениям, общим для языка метрополии и диаспоры, отмечая при этом, что уже в речи первого поколения эмигрантов они могут носить опережающий характер. Обращение к НКРЯ подтвердило как общность этих процессов, так и различие в их качественной (общие процессы отражаются в разных явле-

ниях, см. 3.2.) и квантитативной реализации в метрополии и диаспоре. Данные проанализированного корпуса интервью показывают, что отмеченные особенности не окказиональны, а типичны для молодого поколения четвертой волны, так как они (с большей или меньшей частотностью) встречаются в каждом из тридцати проведенных интервью. Кроме того, системность их употребления в языке диаспоры подтверждается экспериментально: в рамках опроса приведенные ниже варианты были признаны «нормативными»³. Вероятно, на прогрессирующее расшатывание неустойчивых участков системы влияют, помимо иноязычного окружения и (часто неполного) билингвизма эмигрантов, и такие факторы, как владение ими только устной разновидностью языка, нередко просторечно окрашенной.

В отличие от языка первых трех волн четвертая волна обнаруживает уже в первом поколении морфологические и синтаксические черты, свойственные второму и последующим поколениям диаспоры (см. 3.2.), т. е. различные проявления языковой эрозии, приводящей к утрате грамматических категорий, напр. одушевленности / неодушевленности (см. 3.2). Открытым остается актуальный для четвертой волны вопрос о том, где проходит грань между опережающим характером изменений в языке диаспоры и утратой (или редукцией) языковой компетенции билингва⁴. Очевидно, что приведенные примеры носят диффузный характер, т. е. обусловлены обоими названными факторами (объективным и субъективным)⁵:

1. Ослабление формального противопоставления падежей:

- расширенное употребление нулевой флексии в род. п. мн. ч. муж. р.: *Спелых помидор нам не хватило; Мы взяли вина и марокканских апельсинов;*
- смешение флексий род. п. и предл. п. мн. ч.: *Во многих вчерашних докладов говорилось о смешении кода* (род. п. вместо предл. п.);
- конкуренция род. п. и вин. п.: *Он это не говорил; Он никогда не делает это.*

³ О необходимости различения нормы монолингвального и билингвального сообщества см., например (Földes 1999: 38).

⁴ Земская (2001: 262) объясняет «разрушение» русского языка у первого поколения четвертой волны исключительно отсутствием установки на сохранение родного языка. Этот аргумент не представляется убедительным, т. к. именно благодаря установке на билингвальность в современной диаспоре русский язык вводится как третий иностранный язык в гимназиях, молодые эмигранты активно изучают русский язык в университетах, даже не будучи славистами, русистами или переводчиками и т. д. (Жданова 2007).

⁵ В этом пункте приведены некоторые примеры из анкеты-опросника, с которой работали информанты. Периферийные варианты не приводятся.

2. Утрата склонения числительных: *Мы живем в сорок километров от границы; Ему около пятьдесят лет; Я поговорил с пятьдесят три участниками.*
3. Процессы аналогического выравнивания («естественная морфология», Земская 2001: 85 и далее), поддерживаемые просторечным узусом: *У нас в библиотеке нет словарёв; Ихние дети всегда шумят.*

3.2. Морфологические и синтаксические явления, обусловленные контактом с языком окружения

Лексические явления наиболее ярко характеризуют как язык диаспоры, так и язык метрополии в тот или иной период развития (ср. Селищев 1928: 12 и далее; Comrie et al. 1996: 185 ff.). На материале языка русской эмиграции они описаны достаточно подробно, поэтому, рассматривая морфологические и синтаксические характеристики, я ограничусь указанием на то, что лексические заимствования / калькирования из языка окружения 1) нередко сопровождаются калькированием соответствующего именного или глагольного управления или идиоматического оборота, ср. *Моя мама работает как Altenpflegerin* (русс. *медсестрой / санитаркой / сиделкой по уходу за престарелыми*); *Я б не сказал, что я принадлежу куда-то...* (*Ich würde nicht sagen, dass ich irgendwohin gehöre*, в значении: относиться, иметь отношение к чему-л.); 2) как правило, склоняются и спрягаются по русским словоизменительным парадигмам: *Мы жили вместе с другими аусзидлерами* (*Aussiedler*, русс. *переселенцы*); *Мужики на Бодензее митают пруды и разводят рыбу* (*mieten*, русс. *арендовать, снимать*); *По пятницам я пуццаю в одной фирме* (*putzen*, русс. *чистить, наводить порядок, убирать*).

Помимо этого, к диффузным лексико-морфологическим явлениям в языке диаспоры относится и 3) вовлечение иноязычных заимствований в русские словообразовательные процессы, ср.: *Она тоже попутцывает у соседей* (итеративно-димиинутивный способ глагольного действия от *putzen*); *Мы здесь не припаркуемся: здесь зафербочено* (причастный предикатив от *verboten*, префикс *за-* указывает на контаминацию формы с русским *запрещено*). Лексико-семантическим фактором, дополнительно способствующим усвоению немецких морфологических и синтаксических черт, является и расширение валентности «всепригодного» глагола *делать* (*machen*): *Не будем делать стресс!* (вм. *устраивать*); *Он делает славистику и германистику* (вм. *изучает*); *Я сделал (языковой) курс* (вм. *прошел, посетил, закончил*). В конечном итоге экспансия *делать* приводит к утрате целых групп глаголов, располагающих собственным набором валентных связей, которые в билингвальной среде остаются неосвоенными.

3.2.1. Явления, специфические для диаспоры
(на материале русского языка в Германии)

1. Число существительных: употребление русских *singularia tantum* во мн. ч., прежде всего активно употребляемых в немецком языке: *У нас в школе были разные активности* (в значении: виды внеклассных занятий, нем. *Aktivitäten*); *Сейчас есть новые информации о наших родственниках в Казахстане*; *Вместо перевода мы занимались анализами текстов*. Ср. также зафиксированное *Мне надоели его лжи* (от нем., допускающего здесь мн. ч.: *seine Lügen*).
2. Падеж существительных:
  - конкуренция/смешение род. и вин. п. (возможно, в ряде случаев и им. п.) после отрицания и утверждения, ср.: *Он не говорил плохое о других*; *Я не знала адрес школы*, но: *Мы купили всего нужного*; *Сестра узнала нужных адресов*. Это синтаксическое явление связано и с дистрибуцией род. и вин. п. при отрицании, и с недостаточным владением категорией одушевленности/неодушевленности, отсутствующей в немецком языке, и с глагольным управлением: *Мне не хватает мой язык* (нем. *fehlen* «не хватать чего-л., отсутствовать» употребляется с им. п.);
  - расшатывание категории одушевленности/неодушевленности также проявляется в смешении род. п. и вин. п.: *Он видел русские студенты*; *Те друзья, которые мы имели...* (вместо род. п. мн. ч. при одушевленном объекте: *русских студентов* и *те друзья, которых мы имели...*). Это тот тип грамматической интерференции, результатом которой бывает исчезновение грамматических категорий (Вайнрайх 2000: 77);
  - утрата твор. п. в предикативной функции и вытеснение его 1) им. п., в то время как эта синтаксическая конструкция в прошедшем времени предполагает чередование им. п. / твор. п. (АГ-80: 434): *Я была единственный ребенок в семье*; *Папа был электрослесарь* (ср. в наст. вр.: *Я единственный ребенок в семье* и *Папа — электрослесарь*), а также 2) им. п. с союзом *как*: *Мать была как учительница* (в значении «работала учительницей», а не «выглядела, как учительница»). Эта вариативная связь, неоднократно отмеченная в проанализированном корпусе, проблематична с бытийным глаголом (ср. АГ-80: 434), а также с *verbum credendi*, однако возможна в немецком языке: *Ich verstehe mich als X*.
  - изменения в сфере именного управления: *в этом моменте* (нем. эквивалент *in diesem Moment* употребляется с дат. п.); *Среди этой учебы*

я *понял...* (калькирование предлога из немецкого эквивалента *mitten im Studium*). Характерное для языка эмиграции в целом смешение или неразличение предлогов, выражающих пространственные и временные значения (ср. о первой волне (Земская 2001: 95)), — одна из ярких черт языка четвертой волны. Приведенные примеры отражают модели предложного управления, употребляемые в русском языке для выражения не временных, а пространственных отношений, ср. *в этом доме и среди друзей*. Ср. также унификацию предлогов направления *в/на* и *из/с*: *в Дальний Восток*, а также *из запада, из востока*.

3. Глагол:

- развитие предложного управления на месте беспредложного: *писать с карандашом* (нем. *mit Bleistift schreiben*), *сделать подарок с руками* (нем. *das Geschenk mit den Händen machen*); *фирма, которая с этим занимается* (*die Firma, die sich damit beschäftigt*);
  - изменения в сфере предложного управления — замена или калькирование немецких предлогов: *Я это знаю от немецкого (языка)* (вместо: *из*), *читать в языке оригинала* (вместо: *на языке*); *наши имена уже стояли на списке* (вместо: *в списке*); *учиться на университете* (вместо: *в университете*); *Я с друзьями ... про работу разговариваю* (вместо: *о работе*), а также замена падежа: *ездить с автобусом* (вместо: *на автобусе*, замена предлога приводит к изменению предл. п. на твор. п.); *сосредоточиться на работу* (нем. эквивалент *sich konzentrieren auf* требует вин. п., который и калькируется);
  - расширение семантико-синтаксической сочетаемости определенных глаголов: *получить ожог, получить загар, получить ребенка* (в значении — родить), приводящее к вытеснению на периферию или утрате глаголов, специализированных для выражения заданной семантики: *обгореть, загореть, родить*;
  - изменения морфологической принадлежности зависимого слова (прилагательное вместо наречия) в устойчивом обороте под влиянием немецкого: *Сначала я говорил по русскому, потом по немецкому; Дома говорим по русском* (вместо *по-русски*, ср. нем. *auf Deutsch*).
- ### 4. Заимствование или контаминация синтаксических конструкций:
- вопросительные конструкции, часто с сохранением немецких союзов и союзных слов, а также с сохранением не только синтаксической функции, но и синтаксической позиции: *Я не знаю, **об** тебе не мешает...* (вместо: *не мешает ли*); *Я спросил, **или** у меня есть шансы* (вместо: *есть ли у меня шансы*, ср. нем. *Ich habe gefragt, ob ich Chancen habe*); *Ты же пойдешь с нами, **или**?* (вместо *правда? не так ли?* и под., ср. нем. *Du kommst doch mit uns, oder?*);

- идиоматические конструкции: *Здесь идет о том, что...* (ср. нем. *hier geht es darum, dass...*, русск. *здесь речь идет о том, что...*);
- неопределенно-личные конструкции: *В России пишет в газетах...* (под влиянием немецкого *man* + 3-е лицо ед. ч.), которые в ряде случаев (в моем корпусе — периферийных) полностью соответствуют немецкому образцу: *В России ман делает эти пломбы из цветной пасты* (Жданова 2007: 195);
- посессивные конструкции (личное местоимение + спрягаемая форма глагола *haben* *иметь*): *Я имела языковой курс; В Казахстане мы имели дом; Его родители имеют тут машину, дом — всё...* — вместо *у меня / у нас / у его родителей был / есть объект обладания / принадлежности X* (аналогичные наблюдения в (Pfandl 1997: 379—380)), хотя в первом примере естественнее бы воспринималась иная конструкция, например: *Я посещала / прошла языковой курс*, ср. также: *Обеспечить нашим потомкам лучшую жизнь, чем мы ее имели* (вместо *чем была у нас*);
- общеотрицательные конструкции, в которых отрицательные местоименные наречия *нигде, никуда, никогда* и т. д. занимают позицию перед (глагольным) предикатом: *Мы нигде читали о таких вещах. До этого я никогда слышал о репрессиях*, ср. *Wir haben nirgendwo über solche Sachen gelesen; Davor habe ich niemals über Repressalien gehört.* (Второе) отрицание перед глаголом, необходимое в русском языке (*нигде не читали* или *никогда не слышали*), здесь утрачивается.

3.2.2. Общность / специфичность явлений в языке диаспоры и их генезис

Земская, подводя итоги описания речевых портретов эмигрантов, отмечает, что важно изучить, «как именно влияет тот или иной язык страны обитания на язык эмиграции» (Земская 2001: 267). Сопоставление контактных вариантов русского языка (русский — немецкий, русский — французский и т. д.) с целью выявления лингвистических характеристик, общих для языка диаспоры, — одна из задач запланированного проекта (ср. опыт контрастивного сопоставления контактных вариантов польского языка в (Dubicz 1997: 324—376)).

По предварительным наблюдениям, к морфологическим и синтаксическим характеристикам, общим для контактных вариантов русского языка за рубежом, можно отнести следующие:

Представленные в пункте 3.2.1. явления могут быть обозначены как ядро морфологических и синтаксических изменений, которым подвержен русский язык в иноязычном окружении (ср. аналогичные процессы изменения русского языка во Франции, Италии, Америке и Канаде (Гловинская 2001; Земская 2001), выявленные на базе других источников и других случаев употребления):

1. колебания в категориях числа и падежа существительных,
2. изменения в сфере именного и глагольного управления (калькирование моделей управления или упрощение русских вариативных связей, ср. 3.2.1.),
3. контаминация или калькирование синтаксических конструкций (вопросительных, общеотрицательных и possessивных).

Открытым остается вопрос, в какой степени отмеченные явления объяснимы воздействием европейских языков сходной грамматической и синтаксической структуры, с одной стороны, и наличием универсально слабых участков языка (Гловинская 2001: 481—482), — с другой.

Так, ссылаясь на (Якобсон 1996: 42), Гловинская отмечает, что «изменения в области управления глаголов, в употреблении предлогов характерны для языков разных диаспор», т. е. не только для русского языка в ситуации контакта, а, например, и для польского *roza granicami kraju* (Гловинская 2001: 482). Некоторые примеры из этой области для русского языка в Израиле приведены в (Колчинская, Найдич 2009: 112), для русского языка в Литве — в (Бразаускане 2000: 21), что подтверждает тезис об универсально слабых зонах языка и указывает на второстепенность роли и типа воздействующего языка.

Колебания в области падежа и (в менее выраженной форме) числа существительных — тенденция, активно действующая и в языке метрополии (Гловинская 2001: 476, ср. также Граудина и др. 2001: 160 и далее), — указывают на неустойчивость (или динамику?) этого участка в русском языке. Область колебаний категорий существительного оказывается, по предварительным данным, различной в разных контактных ситуациях. Так, в языке израильской диаспоры отмечены альтернативные варианты образования множественного числа существительных под влиянием языка окружения (мн. ч. *войнот* от *война* под влиянием иврита: Колчинская, Найдич 2009: 114), не выделенные до сих пор в русском языке европейских и американской диаспор, а в русском языке в Литве — не обнаруженные в проанализированном корпусе колебания в категории рода (муж. р. слов *гуашь* и *тушь* под влиянием литовского: Бразаускане 2000: 21).

Синтаксис, как и лексика, представляется наиболее открытой сферой для воздействия контактного языка (на этот факт указывает и Гловинская (2001: 481)). Очевидно, главной причиной синтаксической специфики языка диаспоры (в отличие от отмеченных выше специфических тенденций, обусловленных иными факторами воздействия) следует назвать воздействие языка окружения. Выделенные синтаксические явления — прямая трансференция немецких синтаксических конструкций, обнаруживающих соответствия в русском языке других европейских диаспор (см. примеры в (Там же: 409 и далее)). При этом специфика немецкого контактного варианта русского языка обнаруживается также в сфере синтаксиса — в калькировании немецкой не-

определенно-личной конструкции. Порядок слов в речи эмигрантов в данной статье не рассматривался, однако сделанные наблюдения указывают на заметное влияние грамматикализованного порядка слов в немецком языке. Так, многие информанты склонны к постановке спрягаемой формы глагола в абсолютный конец придаточного предложения.

Скрупулезный анализ письменных (а не устных, как в моем исследовании) источников в работе Гловинской (2001) позволяет выделить еще ряд различных отклонений, заслуживающих пристального внимания. Однако их статус на сегодняшний день не проверен, в том числе и лингво-статистически. На материале моего корпуса они не выделены или отмечены как окказиональные или периферийные явления, которые затем не были расценены информантами как «допустимые».

3.3. Морфологические и синтаксические характеристики языка диаспоры: к проблеме динамики

Морфологические и синтаксические изменения языка разных волн эмиграции, не связанных между собой отношениями языковой и культурной преемственности, требуют отдельного обстоятельного исследования на базе корпуса. На сегодняшний день системными данными мы не располагаем. Кроме того, при изучении динамики должна учитываться ось изменений «первое поколение — второе и последующие поколения», а также соотношение выявленных характеристик с соответствующей стадией развития языка метрополии (1910—1920-е гг., 1930—1940-е и т. д.). Первичные наблюдения по динамике морфологических и синтаксических характеристик языка эмиграции можно суммировать следующим образом:

Зоны проявления специфики — общие у всех четырех волн русской эмиграции (см. 3.2.): универсально слабые участки языков в контакте, идиоматические участки русского языка, зоны вариативности (как собственно морфологической, напр. род. п. и вин. п. при отрицании, *genitivus partitivus*, им. п. и твор. п. в предикативной функции, так и морфонологической, напр. чередование в глагольной основе и т. д.).

Изменчивыми здесь оказываются как 1) качественные (конкретная языковая реализация системных колебаний, т. е., напр., замена предлогов под влиянием языка окружения у первой эмиграции и унификация предлогов, выражающих пространственные и временные значения, у четвертой волны, ср. 3.2.1.), так и 2) количественные показатели, напр. радиус зон неустойчивости (напр., ослабление формального противопоставления падежей у первой волны и экспансия им. п. у четвертой волны, приводящие к редукции падежной парадигмы существительного и утрате склонения числительных: *Я ходил пол десятый*

класс в Хауптшуде; ср. также отказ от неопределенно-личных конструкций с именем субъекта в вин. п. в пользу калькированных пассивных конструкций: *Я часто вызывалась к директору* вместо *Меня часто вызывали*), а также масштабы проявления отклонений (оказиональное или массовое употребление).

Расхождения в наборе выявленных характеристик (качественный показатель) у разных волн в первом поколении эмиграции связано с языковой ситуацией в метрополии. Т. е., напр., отсутствие в русском языке четвертой волны устаревшего употребления суперлатива, отмеченного у первой волны (*гораздо бесполезнейший* в (Гловинская 2001: 405)), связано с тем, что этот вариант утрачен и в современном языке метрополии.

Отчетливая динамика проявляется на оси «первое поколение — второе поколение эмиграции» (см. данные по первой волне в (Бобрик 2001: 278 и далее)). Освоенный в иноязычном окружении как язык семьи и бытового общения, русский язык второго поколения, как правило, функционально ограничен. Потомки эмигрантов обнаруживают неполное владение разными типами речи (Гловинская 2001: 343; Жданова 2008: 282), а также утрату языковой компетенции в целом (напр., в системе глагольного вида, именном склонении, деривационных моделях). При этом уже первое поколение четвертой волны эмиграции обнаруживает в своей речи черты, свойственные, как правило, языку второго и последующих поколений. Генезис подобной динамики остается неизученным или объясняется сугубо социальными факторами (Земская 2001: 262). Дополнительного изучения требуют и критерии разграничения морфологических и синтаксических особенностей, проистекающих из утраты (или редукции) языковой компетенции билингва, с одной стороны, и опережающего характера изменений в языке современной диаспоры, с другой.

Общими для языка всех волн диаспоры оказываются также факторы как системного, так и индивидуального плана, определяющие его специфику: «слабые точки» языковой системы, иноязычное окружение, сужение сферы функционирования русского языка, редукция языковой компетенции билингвов. При этом воздействие двух последних факторов оказывается особенно активным во втором и последующих поколениях эмигрантов.

Сделанные наблюдения показывают, что полноценное описание языка современной диаспоры должно проводиться на корпусной основе в сопоставлении с языком метрополии и языком предшествующих волн эмиграции.

Л и т е р а т у р а

- Авина 2003 — Авина Н. Ю. Активные процессы в лексике русского языка в Литве // Крысин Л. П. (ред.). Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2003. С. 11—19.

- АГ-80 — Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
- Бобрик 2001 — *Бобрик М. А.* 2001. Приложение. Очерк языка семьи // *Земская Е. А.* (ред.). Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена: Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 53. 2001. С. 278—340.
- Бразаускане 2000 — Бразаускане Е. Грамматические особенности русского языка в Литве // *Крысин Л. П.* (ред.). Русский язык сегодня. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 19—25.
- Вайнрайх 2000 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна дэ Куртене, 2000.
- Гловинская 2001 — *Гловинская М. Я.* 2001. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // *Земская Е. А.* (ред.): Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена: Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach, Sdb. 53. 2001. С. 341—492.
- Гловинская 2008 — *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике // *Крысин Л. П.* (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 187—270.
- Голубева-Монаткина 1998 — *Голубева-Монаткина Н. И.* О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи дальнего Зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. 1—2. С. 88—96.
- Граудина и др. 2001 — *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* (ред.) Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. М.: Наука, 2001.
- Жданова 2001 — *Жданова В.* Некоторые особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры в Германии // *Böttger K., Giger M., M. & B. Wiemer* (eds.). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Bd. 4. Die Welt der Slaven. Sammelbände. München: Otto Sagner, 2001. S. 274—285.
- Жданова 2007 — *Жданова В.* Zum Problem der Sprachkompetenz bilingualer Migranten mit Russisch als Erstsprache // *Bremer B., Zhdanova V., Zimny R.* (eds.). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Bd. 10. Die Welt der Slaven. Sammelbände. München: Otto Sagner, 2007. S. 188—198.
- Жданова 2008 — *Жданова В.* Стилистические процессы в языке русской диаспоры // *Graf E., Thielemann N., Zimny R.* (eds.). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Bd. 11. Die Welt der Slaven. Sammelbände. München: Otto Sagner, 2008. S. 279—287.
- Жданова 2009 — *Жданова В.* К проблеме лингвистического статуса русского языка диаспоры // *Zhdanova V.* (ed.). Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии. Die Welt der Slaven. Bd. 38. Sammelbände. München: Otto Sagner, 2009. S. 89—101.
- Земская 2001 — *Земская Е. А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые процессы // *Земская Е. А.* (ред.): Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена: Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 53. С. 25—277.
- Колчинская, Найдич 2009 — *Колчинская Е., Найдич Л.* Черты лингвистического портрета русских тинейджеров в Израиле // *Zhdanova V.* (ed.). Русский язык в услови-

- ях культурной и языковой полифонии. *Die Welt der Slaven*. Bd. 38. Sammelbände. München: Otto Sagner, 2009. S. 103—117.
- Крысин 2008 — *Крысин Л. П.* Введение // *Крысин Л. П.* (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 13—32.
- Протасова 1996 — *Протасова Е. Ю.* Особенности русского языка у живущих в Германии // *Русистика сегодня*. 1996. 1. С. 51—71.
- Протасова 1998 — *Протасова Е. Ю.* Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // *Русистика сегодня*. 1998. 3—4. С. 202—206.
- Селищев 1928 — *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М.: Работник просвещения, 1928.
- Якобсон 1996 — *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996.
- Andrews 1999 — *Andrews D. R.* Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora. Soviet immigrant in the United State. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
- Auer 1999 — *Auer P.* From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech // *International Journal of Bilingualism*. 1999. 3(4). P. 309—332.
- Comrie et al. 1996 — *Comrie B., Stone G., Polinsky M.* (eds.) The Russian Language in the Twentieth Century. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Dubisz 1997 — *Dubisz S.* (ed.) Język polski poza granicami kraju. Opole: Uniwersytet Opolski; Instytut Filologii Polskiej, 1997.
- Földes 1999 — *Földes C.* Zur Begrifflichkeit von «Sprachenkontakt» und «Sprachenmischung» // *Lasatowics M. K., Joachimsthaler J.* (eds.) Assimilation — Abgrenzung — Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. P. 33—54.
- Pfandl 1997 — *Pfandl H.* 1997. Normabweichungen und Regelverstöße bei Emigrant(inn)en mit russischer Erstsprache und Lernenden des Russischen als Fremdsprache: Unterschiede und Gemeinsamkeiten // *Huber D., Worbs E.* (eds.) *Ars transferendi. Sprache, Übersetzung, Interkulturalität*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. S. 373—394.
- Polinsky 1998 — *Polinsky M.* American Russian: A new Pidgin // *Московский лингвистический журнал*. 1998. 4. С. 78—138.
- Polinsky 2000 — *Polinsky M.* The Russian Language in the USA // *Zybatow L. N.* (ed.) Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Teil 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. S. 787—803.